

УДК 821.161.1(571.54)

**ДИАЛОГ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗАИКОВ БУРЯТИИ
С А. П. ЧЕХОВЫМ**© *Березкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета.
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: beryozkina-lena@ya.ru

Статья посвящена проблеме взаимодействия современной прозы писателей Бурятии, в частности, А. Виноградовой и классической русской литературы в лице А. П. Чехова. Творческий диалог прозаиков позволяет увидеть типологическое сходство героев, сюжетов, отдельных мотивов, идейно-эстетических установок.

Ключевые слова: диалог, традиция, преемственность, типология, А. П. Чехов, современная литература Бурятии, А. Виноградова.

MODERN BURYAT WRITERS' DIALOGUE WITH CHEKHOV

Elena P. Beryozkina

PhD, A/Professor of the Department of Russian and foreign literature,
Buryat State University.
6, Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article reviews the problem of interaction between modern Buryat prose writers, A. Vinogradova in particular, and classic Russian literature, Chekhov in this case. Creative dialogue of prose writers allows to see typological similarity of heroes, plots, motives and aesthetic sets.

Keywords: dialogue, tradition, succession, typology, A. P. Chekhov, modern Buryat literature, A. Vinogradova.

Литература Бурятии, активно формировавшаяся на протяжении XX в., представляет собой уникальное явление. С одной стороны, в ней раскрылось национальное своеобразие, отразились менталитет и культура бурятского народа, с другой стороны, она развивалась в тесной взаимосвязи с традициями русской классической литературы. Вот почему закономерен творческий диалог прозаиков Бурятии с писателями-классиками, отмеченный общностью идей, образов, элементов поэтики. В данной статье пойдет речь о диалоге современной русской прозы Бурятии с творчеством А. П. Чехова.

«Все мною написанное забудется через 5-10 лет; но пути мною проложенные будут целы и невредимы...», – писал Чехов в одном из писем А. С. Лазареву-Грузинскому в 1888 г. [1, с. 90]. Если первая часть его высказывания оказалась ошибочной, то вторая – пророчески сбылась. Чеховские пути, чеховские традиции в современной прозе, в частности в новеллистике, живы и активно разрабатываются писателями XX–XXI вв.

Такие принципы чеховского творчества, как использование упрощенной сюжетной линии, «реализм простейшего случая» (Г. А. Бялый),

недоговоренность, незавершенность сюжета, бесконфликтность, «бесконцовочность» рассказов, скрытый подтекст, символика заглавий, психологизм деталей, лирическая активность авторского повествования, доверие к читателю, воссоздающему недосказанное писателем, – стали несомненным достоянием современных прозаиков. В русской прозе Бурятии такая взаимосвязь представляется оправданной для многих писателей: К. Г. Карнышева, О. В. Серовой, А. Г. Румянцева, С. А. Захаровой, К. А. Соболева, С. А. Нестеровой, А. И. Виноградовой.

Думается, что чеховское творчество созвучно людям XXI в. своей нравственной требовательностью, обостренным чувством справедливости, неприятием пошлости, обличением мещанства, «футлярной жизни», успокоенности и благополучия, эгоизма и равнодушия, а также ощущением внутреннего беспокойства от непонимания времени. Чехов близок современным писателям и читателям живым, острым отторжением примитивизма, откровенной борьбой с ремесленничеством, со штампами в литературе, которые писатель ненавидел, являясь сотрудником сатирических журналов. «Праздная жизнь не может быть чистой» – эта реплика чеховского героя из пьесы «Дядя Ваня» является внутренней темой, подтекстом, можно сказать, всей русской литературы.

Продолжение чеховской традиции в современной литературе стало возможно лишь при условии, когда «чеховское» органически присуще жизненному опыту другого писателя, его мировоззрению, его эстетической концепции, художественному мышлению, а не является только результатом «литературной памяти».

«Талант, – писал А. С. Пушкин, – неволен, и его подражания не есть постыдное похищение – признак умственной скудости, но благородная надежда на собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство в смирении своем еще более возвышенное, желание изучить любой образец и дать ему вторичную жизнь» [2, с. 150]. Именно талант позволяет писателю не просто использовать в своих произведениях чужие идеи и творить «по следам гения», а продолжать традицию, не впадая в подражательство, эпигонство. Потому что существует важное понятие – литературная преемственность. Еще В. Г. Белинский писал: «Влияние великого поэта заметно на других поэтах не в том, что его поэзия отражается в них, а в том, что она возбуждает в них собственные их силы; так солнечный луч, озарив землю, не сообщает ей своей силы, а только возбуждает заключенную в ней силу...» [3, с. 164–165].

Именно о таком влиянии Чехова, влиянии, возбуждающем внутренние скрытые силы художника, можно говорить в применении к К. Карнышеву, А. Румянцеву, К. Соболеву. Они приняли от Чехова только то, что было заложено в них самих, то, что было близко им, отвечало их творческим исканиям. Так, их интересует прежде всего обыкновенный человек, живущий своей далеко не героической жизнью, но с его экзистенциальными проблемами, его бытием, взаимоотношениями его внутреннего мира с миром внешним, его духовный и интеллектуальный рост, сопряженный с нравственными поисками и переживаниями. Их

герои чаще всего – сельские жители, труженики, но и они иногда смотрят на звезды, тоскуют, мечтают о счастье, задумываются о вечном, не приемлют фальшь и пошлость.

Среди современных писателей Бурятии А. И. Виноградова обладает талантом собственного видения мира, который присущ настоящим художникам. По ее собственному признанию, может быть, именно Чехов помог писателям-новеллистам конца XX в. открыть самих себя, определиться с собственным творческим почерком. Сборник ее рассказов «Последняя встреча» обращает на себя внимание жанровым сходством с классиком: Виноградова пишет небольшие по объему, но емкие по содержанию рассказы. Присутствуют в ее сборнике рассказы-притчи: «Осень его жизни», «Дождик и богиня», «Тот холодный день», «Не забывай», «Ладанка», «Плеск озерной волны», рассказы-ситуации: «Вернуться домой», «Прости ее», «Звезда упала», «Последнее письмо», «Срочная телеграмма». Часто они объединены в циклы: «Слеза серебряная» или цикл детских рассказов «Пашкины истории».

В творчестве А. Виноградовой малый эпический жанр способен на возникновение «определенного психологического феномена» [4, с. 132]: это может быть интимное, личное ощущение истории, приобщенность к ней, столкновение героя с красотой природы или загадкой вечности, inferнальными силами. Например, в рассказах «Не забывай» или «Плеск озерной волны» персонажи не имеют подробных внешних характеристик, становятся почти бесплотны. В художественной структуре рассказа их роль «вспомогательна, функциональна, они важны скорее как знаки определенной психологической реакции на воспроизводимую ситуацию и рефлексии по поводу нее» [4, с. 181].

Через самые разные по содержанию рассказы Виноградовой проходят сквозные мотивы – «скрытые взаимодействия, прорастание», содержательное и смысловое варьирование, например, мотив памяти: «Не забывай», «Вернуться домой», «Я помню тебя», «Последнее письмо». Если пушкинская Татьяна Ларина, тургеневские героини безошибочно выбирали лучшего из возможных кандидатов на руку и сердце, то Чехов прямолинейной логике предпочитал парадоксальную мотивировку, что зачастую используется и Виноградовой. Выделенные рассказы объединены не только темой памяти, воспоминаний о молодости, первой любви, но находятся в близости к излюбленному Чеховым сюжету «казалось – оказалось», неудавшейся в итоге жизни с точки зрения как мужчины, так и женщины. Любовь и создание гармонии в семейной жизни и, наоборот, невозможность обрести семейное благополучие – в обоих случаях счастье предполагалось в другом, упущенном, варианте. В любовных историях Виноградовой, как у Чехова, обнаруживается не подвластное рассудку героев подсознательное нечто, вторгающееся в жизнь людей, их чистые взаимоотношения.

В рассказах Чехова может меняться точка зрения, принадлежать то герою, то героине, но способ изображения и финальный сюжетный итог оказываются, как правило, сходными. «Они полюбили друг друга, поженились и были несчастливы» – так выглядит излюбленный чеховский

сюжет, в правдивости которого писатель был абсолютно убежден. В рассказах Виноградовой «Звезда упала», «Тот холодный день», «Мой аленький цветочек», «Последнее письмо», «На небесах» герои – мужчины и женщины испытывают холод непонимания и недоверия в своих семьях. Это истории безответной любви, разочарований и неоправдавшихся надежд, хотя первоначально все было так похоже на счастье. Каждая история сохраняет свою индивидуальность, при этом срабатывает принцип объективности и индивидуализации каждого конкретного случая и конкретного человеческого характера.

В некоторых рассказах Виноградовой нет традиционной развязки, но, как и в чеховских «бесконцовочных концах», за ними ощущается емкий подтекст, толкающий читателя на размышления о красоте подлинной и мнимой, броской и скрытой, о поэзии будничного и простого, о поэзии «неслучившегося».

Еще одной важной чертой диалога являются детские образы: возникает ощущение, что чеховские маленькие страдальцы (Ванька Жуков, Варька из рассказа «Спать хочется») не уходят из жизни, сколько бы времени не прошло. А. Виноградова написала цикл рассказов «Пашкины истории», который по силе своего воздействия не уступает чеховским. Главный герой – Пашка – старший в семье, где нет отца, а мать слывет «пьющей-гулящей». Лучшими воспоминаниями мальчика стали общение с бабушкой, которой уже нет в живых, и посещение церкви, в которой ему запомнился образ Пресвятой Богородицы. Именно эти светлые и лучшие воспоминания становятся спасительными для мальчика, находящегося на грани жизни и смерти. Пашка изображен почеховски скуп, больше в поступках, чем в описаниях, он заботливый старший брат, ответственный за судьбу младших детей: рыбачит, готовит ужин, заботливо укрывает уснувших малышей. Даже выписываясь из больницы, думает, что вещи, которые ему принесла добрая медсестра на выписку, смогут пригодиться братишке и сестренке.

Драматизм ситуации рассказов о Пашке, нагнетание психологических деталей, подчеркивающих несчастную судьбу ребенка, отсутствие родительской теплоты и заботы, взрослая не по годам рассудительность мальчика роднят его с чеховским Ванькой Жуковым. Конечно, Пашка не жил в работниках, но в его судьбе не меньше потрясений от того, что мать уехала в город искать работу и не вернулась, оставив на произвол маленьких детей, что чуть не утонул в реке в холодный осенний день и потом тяжело заболел, что вначале попал в больницу, а потом совершенно случайно – в милицию. Несчастья, как снежный ком, по нарастающей приводят ребенка в отчаяние. Светлой остается лишь одна мысль о церкви и спасительнице – Богородице. Именно так А. Виноградова пишет свой финал рассказа, и он создается в той же чеховской парадигме – как бы ни было мучительно больно жить, спасает мечта о лучшей жизни.

Сравнительное изучение современной и классической новеллистики позволяет увидеть литературные аналогии, типологическое сходство героев, сюжетов, отдельных мотивов, идейно-эстетических установок.

Способность русских писателей Бурятии творчески шедевры русской литературы прошлых веков свидетельствует о их принадлежности к мощному крылу национальной культуры и является признаком нескончаемости ее гуманистической природы.

Литература

1. Чехов А. П. А. П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. – 404 с.
2. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1959-1962. – Т.1. – 458 с.
3. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. – Т. 2. – М.: Гослитиздат, ГИХЛ. 1948. – С. 164–165.
4. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. – СПб., 2007. – 492 с.